

Къ исторіи кулачныхъ боевъ на Руси ¹⁾.

(Изъ архивныхъ и другихъ источниковъ).

алѣе разсказывается, какъ онъ однажды, послѣ битвы, наугощался до того, что упалъ и заснулъ на берегу, объ этомъ сообщили двумъ врагамъ его—будочникамъ, которые связали и сильно его избили...

„Не велѣно лежачихъ бить,
„Безсильному грѣшно ужъ мстить;
„И какъ же съ тѣми драться,
„Кто средствъ лишень обороняться.

Въ другой сказкѣ „Гордѣй съ фонаремъ“ (стр. 168) Измайловъ осмѣиваетъ петербургскаго бойца Гордѣя по прозванью „Чугунный Лобъ“, о которомъ упоминаетъ Пыляевъ ²⁾:

„Лихой былъ въ старину у насъ боецъ кулачный,
„Гордѣй—„Чугунный Лобъ“, мужикъ не такъ-то взрачный,
„Онъ правда силы не имѣлъ
„И биться не умѣлъ,
„За то былъ смѣлъ.
„Идетъ Гордѣй однажды съ бою,
„Повѣся голову: Ай! ай!
„Кричитъ, съ нимъ встрѣтившись, насмѣшникъ Ермолай:
„Что сдѣлалось, Гордѣй, съ тобою?
„Добро бы ночью, а то днемъ
„Идешь ты съ фонаремъ!

¹⁾ См. „Русская Старина“, июль 1913 г.

²⁾ Пыляевъ. Стар. Петербургъ. Изд. Суворина, 1893 г. стр. 423.

„Да бились мы теперь вдвоемъ...

„Съ кѣмъ?—Съ Алексѣемъ Колотушкой,

„Да ты какъ будто изъ воды?

„Мокрехонекъ какъ мышшь?—Я на Фонтанкѣ бился,

„Погорачился, остутился,

„И въ полынью попалъ ¹⁾).

Съ половины XVIII и до половины XIX вѣка кулачные бои особенно процвѣтали, и преимущественно въ Москвѣ и Петербургѣ (хотя и провинція не отставала, какъ видно было это изъ записокъ Назимова, приведенныхъ выше), при чемъ вліяніе гуманныхъ Орловыхъ сильно отразилось и на этой, чрезвычайно своеобразной и, какъ говоритъ секретарь саксонскаго посольства въ С.-Петербургѣ Гельбигъ, „исключительно русской забавѣ“ ²⁾. Какъ видно было изъ изложеннаго,—Орловы, а съ ними вмѣстѣ и по ихъ примѣру многіе изъ интеллигентнаго общества принимали въ бояхъ личное участіе, какъ, напримѣръ, гр. Растопчинъ ³⁾ и др., не говоря уже „о купцахъ въ лисьихъ шубахъ“. Поэтому и самые бои приняли болѣе безобидный и, такъ сказать, безвредный характеръ. Гр. Алексѣй Орловъ-Чесменскій, напр., приказывалъ привозить на свой счетъ кожанья рукавицы, которыя и доставлялись возами, для раздачи желавшимъ участвовать въ бою и т. п.

И если въ XVI—XVII вѣкѣ, по описанію Н. И. Костомарова, бились беспощадно „бойцы поражали другъ друга въ грудь, въ лицо, въ животъ,—бились неистово, и жестоко, и очень многіе выходили оттуда калѣками, а другихъ выносили мертвыми ⁴⁾, то въ XVIII вѣкѣ кулачные бои приняли другой видъ. Вотъ какъ смотритъ на нихъ А. Д. Ровинскій, самъ лично ихъ видавшій и слыхавшій отъ очевидцевъ:

„Несмотря на всѣ запрещенія производить кулачные бои, они все-таки производятся зачастую и въ наше время, да особенной опасности въ нихъ для народнаго здравія и нравственности съ деревенской точки зрѣнія не видится: до смертныхъ случаевъ, при честныхъ условіяхъ боя, никогда не дохо-

¹⁾ Соч. Измайлова. Спб. 1849 г. т. I-й, стр. 168 и 179.

²⁾ „Рус. Стар.“ 1886 г. № 10, стр. 4.

³⁾ XIX вѣкъ, кн. I, стр. 359. Арх. гр. Комаровскаго.

⁴⁾ Костомар. Очерки домаш. жизни и пр. велик. нар. въ XVI и XVII в. Спб. 1860 г., с. 142.

дять, кому не подь силу, тотъ подь ноги (т.-е. умышленно падаетъ), а „лежачаго не бьютъ;“ и кончается себѣ бой тѣмъ, что молодцы на добромъ морозцѣ другъ другу бока погрѣвють, да носы подрумянятъ“ ¹⁾. Да и Н. И. Костомаровъ, хотя и иронически, но замѣчаетъ: „на нихъ русскіе приучались къ ударамъ, побоямъ, которые вообще были неразлучны со всѣмъ теченіемъ русской жизни и дѣлали русскихъ неустрашимыми и храбрыми на войнѣ“ ²⁾.

Закончимъ же объ Орловыхъ словами Ломоносова, посвященными кн. Григорію...

„Блаженъ родитель твой, намъ давъ такихъ сыновъ
„Не именемъ однимъ, но свойствами орловъ“...

Соч. т. 2 стр. 196 ³⁾.

Кулачный бой, какъ распространенная и обычная забава, имѣлъ равновидности: самымъ несложнымъ характеромъ отличалась такъ называемая 1, „Сцѣплянка-Свалка“, а затѣмъ уже болѣе организованная форма, въ родѣ турнира или примѣрнаго сраженія была битва двухъ противныхъ сторонъ—это 2, „Стѣнка на стѣнку“, и наконецъ,—3, „Одинъ-на-одинъ“. „Сцѣплянка“ представляла собою неустроенное сборище толпы, въ которой противной стороны не имѣлось, а бились всѣ вразсыпную, кто съ кѣмъ попало и кто кого одолѣетъ, въ толпѣ, безъ разбору. Эти свалки были всегда небольшія и безобидныя. „Стѣнка на стѣнку“ представляла уже нѣчто стройное, гдѣ различались стороны—своя и чужая, гдѣ слава о побѣдѣ распространялась далеко и ею гордились; здѣсь часто одна деревня или половина

¹⁾ Ровинс. нар. карт. Спб. 1900 г. ч. 2, стр. 359.

²⁾ Костомаровъ тамъ же.

³⁾ Интересны портреты Григорія и Алексѣя Орловыхъ въ римскомъ и турецкомъ костюмахъ во весь ростъ на лошадяхъ. Они находились въ Императорскомъ Эрмитажѣ и висѣли по обѣ стороны портрета Императрицы Екатерины II тоже на конѣ, въ формѣ гвардейскаго пѣхотинца.

Гельбигъ говоритъ, что въ знаменитомъ Петербургскомъ каруселѣ въ 1765 году кн. Григорій велъ римскій кадрили, а Алексѣй турецкій. Ихъ костюмъ превзошелъ все, что только можно себѣ представить, а ихъ ловкость и сила соответствовали ихъ величественному виду. Изъ всѣхъ рыцарей они были самые искусные. Они одержали рѣшигельную побѣду. Оба брата заказали свои портреты во весь ростъ верхомъ, въ карусельныхъ костюмахъ и т. д. См. „Рус. Вѣст.“ 86 г. № 10, стр. 5.

Портреты эти въ царствованіе Николая I были отправлены въ кладовыя Эрмитажа, а въ мартѣ 1827 г. Государь повелѣлъ исключить ихъ изъ эрмитажнаго каталога и передать въ придворную Конюшенную Контору (Общ. Арх. М-ва Двора. Картонъ № 4672,—дѣло № 54).

деревни, или одна половина города становилась противу другой половины. Соревнованіе, конечно, было—большое... Обѣ стороны раздѣляло болѣе или менѣе обширное пространство, имѣлись у каждой стороны резервы изъ славившихся извѣстныхъ бойцовъ и силачей, до времени не принимавшихъ участія, которые ожидали въ сторонѣ и пускались въ бой, когда своя партія ослабѣвала, подавалась, отступала или „опрокидывалась“, т.-е. обращалась въ бѣгство, или, для довершенія полной побѣды примыкали къ преслѣдующимъ. Бой „Одинъ-на-одинъ“ иногда предшествовалъ общему, а при побѣдѣ одного изъ бойцовъ сопровождался уже нападеніемъ стороны побѣдившаго на сторону побѣжденнаго. Конечно, побѣда одного изъ единоборцевъ еще не обуславливала побѣды всей стѣнки... Битва только принимала болѣе страстный характеръ.

Побѣдителей, по окончаніи боя, продолжавшагося иногда и часъ и два, съ триумфомъ вели на угощеніе. Большая толпа какъ изъ побѣдителей, такъ и изъ побѣжденныхъ съ гиканьемъ и криками, а въ старину еще и съ битьемъ въ накры (литавры) и бубны...

Костомаровъ говоритъ въ „Оч. домаш. жиз. и нравовъ Великорус. нар.“ XVI—XVII в. Спб. 1860 г. стр. 142. „что въ старину вѣроятно существовалъ обычай „увѣнчивать“ удалыхъ и ловкихъ, какъ это показываетъ старинная поговорка: „безъ бойца нѣтъ вѣнца“... Но, кажется, на Руси у насъ ничего подобнаго не было, и вѣнковъ или увѣнчаній не происходило, на мужчинъ ихъ не надѣвали и не увѣнчивали. Вѣнокъ по русскимъ обычаямъ—это принадлежность женщины, и есть уборъ и украшеніе скорѣе дѣвичье.

Увѣнчаніе же, о которомъ говоритъ пословица, надо понимать въ переносномъ смыслѣ, и состояло оно единственно въ торжественномъ шествіи съ поля состязанія въ корчму, въ шинокъ или кружало, съ гиканьемъ и гамомъ, и непременно въ угощеніи и пирушкѣ, о чемъ и Измайловъ говоритъ въ своей сказкѣ:

„По окончаніи сраженья,
Героя нашего ведутъ всѣ съ торжествомъ
Въ питейный домъ
Для угощенья...“

Итакъ бой „Одинъ-на-одинъ“ или „Самъ-на-самъ“ бывалъ скорѣе случайнымъ, иногда при спорѣ, закладѣ или просто хотѣли помѣряться силами. Въ такой бой, а чаще въ борьбу, представлявшую уже вторую, слабѣйшую степень забавы, вступали и

высокопоставленныя особы и разнаго ранга и общественнаго положенія лица.

Въ извѣстномъ собраніи лубочныхъ и старинныхъ народныхъ картинокъ А. Д. Ровинскаго ¹⁾ нѣтъ изображеній кулачныхъ боевъ цѣлыми сборищами и толпами народа, но изображенія одиночныхъ схватокъ имѣются. Такъ на стр. 363, ч. 2, рис. № 270, съ подписью: „Добрые молодцы, кулачные бойцы“ изображены двое бьющихся на кулачки; оба они въ колпакахъ, при чемъ одинъ въ лаптяхъ, а другой надѣлъ на одну ногу буракъ. Подпись на картинкѣ гласитъ: „Эй, братъ Парамошка, худо ты шутишь надо мной кадыкомъ Ермошкой; хотябъ ты— всю изодралъ мою рожу, только не замаль бы мою одѣжу; знаешь ты самъ и то у нашева брата фабришнова, для блохъ, не держитца много платія лишнова, вѣдь у меня братъ Ермака, не сшибешъ валенаго колпака, хоть на погахъ у меня бураки, а въ рукахъ крѣпки кулаки.— Не страшай братъ кадыкъ Ермакъ, и на мнѣ такой же валеной колпакъ. Я вижу охлебался ты молока прѣснова, оттого у тебя портки позади треснули“.

На другихъ двухъ картинкахъ—подъ №№ 268 и 269 стр. 361 изображены „борцы“ одинъ-на-одинъ. Два интеллигентныхъ лица въ сапогахъ, камзолахъ и шапкахъ, начинаютъ борьбу; надпись гласитъ: „Удалые молодцы—добрые борцы“. „А хто кого поборить не въ схватку, тому два ица въ смятку“. На другой—крестьянинъ въ поддѣвкѣ, лаптяхъ и шляпѣ вступаетъ въ борьбу съ военнымъ въ треуголкѣ и форменномъ казакинѣ. Крестьянинъ говоритъ: „Очень ты господинъ военный поступаешъ и своимъ поступкомъ меня устрашаешъ. Вѣдай я и—самъ, что ты, хорошій борець“. Военный отвѣчаетъ:—„Слышишь ли, старикъ, за меня берися, да то лишъ чесно борися“ ²⁾.

Что касается вообще борьбы, то она существовала у всѣхъ народовъ такъ сказать „искони“, слѣды ея находятся еще въ исторіи евреевъ, и потомъ особенно процвѣтала борьба въ Греціи и оттуда уже, еще до Рождества Христова, перенесена въ Римъ (Эмилиѣ Паулли въ 169 году до Р. Х. устроилъ въ Амфиполисѣ „греческія зрѣлища“). Но здѣсь борьба никогда не пользовалась почетомъ и на атлетовъ смотрѣли съ презрѣніемъ и даже осмѣивали ихъ ³⁾.

На Руси единоборство служило не забавой и развлеченіемъ, но зачастую примѣнялось и на войнѣ. Въ лѣтописяхъ разска-

¹⁾ Ровинс. Рус. Народн. картинки. Спб. 1900 г. въ 2 час., стр. 362—363.

²⁾ Ровинскій. Рус. Нар. картинки. Спб. 1900 г. ч. 2, стр. 361—363.

³⁾ Фридендеръ. Изъ истор. Римск. нравовъ. Спб. 1873 г. стр. 561—577.

ываются случаи борьбы и силы истинно богатырской и поименовываются богатыри, прославившіеся въ битвахъ и борьбѣ со врагами ¹⁾).

Послѣдній видъ „кулачнаго боя“—„Самъ-на-самъ“ примѣнялся у насъ и какъ судебное доказательство,—какъ „поединокъ“ съ незапамятныхъ временъ;—онъ служилъ, для окончательнаго подтвержденія правоты отвѣтчика въ судебномъ дѣлѣ. Такое единоборство называлось „поле“, и обвиняемый призывалъ обвинителя къ „полю“.—Условія состязанія опредѣлялись сторонами и выбирался ихъ способъ и оружіе. Древніе памятники перечисляютъ эти и оружія и орудія, которыми пользовались тяжущіеся въ такомъ „Судѣ Божіемъ“. Такъ въ древнѣйшемъ, послѣ Ярославова, судебникѣ Іоанна III отъ 1497 г. говорится, чтобы при поединкахъ посторонніе (т.-е. зрители) не присутствовали. „А къ „полю“ пріѣдетъ окольникъ и діакъ, и спросити исцевъ, ищевъ и отвѣтчиковъ кто за ними стряпчей и поручники, и тѣмъ велѣти и стояти, „а dospѣху и дубинъ и ослоповъ“ стряпчимъ и поручникомъ у себя не держати“.

По поводу этой статьи Карамзинъ замѣчаетъ: „...изъ сего не справедливо заключали, что бойцы сражались у насъ ослопами и дубинами“ ²⁾. Въ договорѣ князя Мстислава Давидовича Смоленскаго съ Готландіей и нѣмцами въ ст. 11 упоминаются оружія на „полѣ“ мещи и сулицы“ ³⁾.

Карамзинъ о судебныхъ поединкахъ говоритъ слѣдующее:—„Обвиняемый требовалъ присяги и „Суда Божія“: „требуя „поля“ и единоборства,—говорилъ онъ. Каждый могъ вмѣсто себя выставить бойца... Избирали любое оружіе, кромѣ огнестрѣльнаго и лука. Сражались обыкновенно въ латахъ и въ шлемахъ, копьями, сѣкирами, мечами, на коняхъ или пѣшіе; иногда употреблялись и кинжалы“ ⁴⁾. Но и кулачное состязаніе было въ ходу. Извѣстно, что въ Москвѣ, для поединковъ, въ самомъ центрѣ города, на Троицкой площади, у воротъ Ильинскихъ было отведено особое мѣсто, которое и называлось поле ⁵⁾. Собственно названіе „поединокъ“ и не употреблялось ни въ устной рѣчи, ни въ законѣ, а имѣлся терминъ „поле“; наприм.—„дать имъ „поле“ или прошу „поля“.

¹⁾ Рус. Лѣт. по Никон. спис. Изд. Акад. Наукъ. Спб. 1767 г. ч. I, стр. 106, 110, 129 и др., ч. II, стр. 105, 196, 330 и др.

²⁾ Карамз. Ист. изд. 1892 г. т. VI, примѣч. 609.

³⁾ Собр. Госуд. грам. и догов. т. 2, стр. 41.

⁴⁾ Карамз. Ист. т. VI, стр. 226.

⁵⁾ Тоже, т. VIII, стр. 26.

Существованіе у насъ этого рода доказательствъ правоты восходитъ ко временамъ глубокой древности. И если слѣдовъ его не находится въ „Русской Правдѣ“, то въ упомянутомъ выше договорѣ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Готландіей и нѣмецкими городами, подъ 1228 годомъ говорится (ст. 11): „Русину же не лзѣ позвати нѣмчица на „полѣ“ или нѣмечкый гость бится въ Руси межи собою—меци или сулицами Князю не надобе и никакому русину, а правити сами по своему суду¹⁾).

Поле или поединки фактически прекращаются со смертію Ивана IV Грознаго. Въ царствованіе Феодора Иоанновича (1584—1598 г.) извѣстій о нихъ уже не встрѣчается²⁾. Какъ видно, поле имѣло значительное примѣненіе въ тяжбныхъ дѣлахъ, вплоть до конца XVI в.

Въ Судебникѣ Государя Іоанна III, отъ 1497 г. и Царскомъ Судебникѣ Ивана Васильевича IV или Грознаго такой поединокъ занимаетъ не послѣднее мѣсто, и ему посвящено болѣе 10 статей. „Если истецъ представить нѣсколько свидѣтелей, при чемъ одни будутъ говорить въ его пользу, а другіе противъ него, то первые имѣютъ право требовать „поединка“ съ послѣднимъ“ (Бѣляевъ, Ист. Рус. Законод., 1879 г., стр. 520).

Судебный поединокъ долженъ былъ совершаться при окольничемъ и дьякѣ, которые, прибывъ на „поле“, спрашивали: кто у нихъ стряпчіе и поручники, и эти лица должны были присутствовать при поединкѣ, но никакого оружія при себѣ не имѣть. Посторонніе не допускались. Поединокъ могъ происходить и между истцомъ и отвѣтчикомъ, и между ихъ свидѣтелями. Малолѣтнимъ, старикамъ, женщинамъ, понамъ, чернецамъ и черницамъ лично биться воспрещалось, но безпрепятственно дозволялось нанимать за себя бойцовъ. Такимъ образомъ, бились иногда не только одинъ-на-одинъ и притомъ посторонніе—наемные бойцы, но и цѣлыя группы свидѣтелей противныхъ сторонъ³⁾.

Въ „Судебникѣ“ 1497 г. читаемъ: „А битися на полѣ бойцу съ бойцомъ или не бойцу съ небойцомъ, а бойцу съ небойцомъ не битися“. Отсюда очевидно, что еще въ глубокой древности были спеціальныя кулачныя и другіе бойцы, заявившіе себя на бояхъ и которыхъ можно было нанимать за себя⁴⁾.

¹⁾ Собр. Государ. грам. и догов. т. 2, стр. 40.

²⁾ Карамз. Истор. изд. 1892 г. т. IX, примѣч. 803.

³⁾ См. Судебн. Ив. Вас. стат. 9—20 и Собр. Пам. по исторіи древ. права. Спб. 1859 г. стр. 169, 179, 190 и 200.

⁴⁾ Объ одномъ такомъ бойцѣ упоминаетъ Карамзинъ. Исторія, т. VII, изд. 1892 г., стр. 226.

Духовенство, однако, настойчиво возставало противъ поединковъ и не признавало за ними силы доказательной, а напротивъ— считало дѣяніемъ богомерзкимъ и карало участниковъ по церковнымъ законамъ, жестоко и беспощадно, идя въ разрѣзъ съ установленіями гражданскими... И надо полагать, что это церковное осужденіе немало содѣйствовало уменьшенію и совершенному прекращенію поединковъ при Θεодорѣ Іоанновичѣ, потому что во все время его царствованія, 1584—1598 г., извѣстій о нихъ, какъ было сказано, не встрѣчается ¹⁾, надо полагать, что фактически они не примѣнялись, и если были случаи, то единичные и исключительные, хотя официально отмѣненные въ 1556 г. законами Ивана IV дополнительными къ судебнику дѣда его отъ 1497 г. ²⁾.

Вопросъ о возникновеніи и существованіи у насъ на Руси „поля“—поединковъ, требуетъ спеціальнаго изученія; полагать надо, что это обычай совсѣмъ не русскій и принесенъ къ намъ съ запада, вмѣстѣ съ появленіемъ иностранцевъ, вносившихъ

¹⁾ Еще въ кормчей отъ 1274 г. (на соборѣ, созванномъ митр. Кирилломъ), постановлено: безчинныхъ игръ и поединковъ не совершать, „да изгнани будутъ отъ сыновъ Божьихъ, аще ли нашему закону кто противится: ни приношенія отъ нихъ принимать, рекше просфуры и кутин, свѣщи... аще же умреть, къ симъ іерей не ходитъ и службы за нихъ не творить...“ а убитые: прокляты и въ сей вѣкъ и въ будущій. См. Рус. Достоп. т. I, стр. 106. Толстой. Ист. Рус. Цер. Мос. 1887 г., стр. 98. Филар. Черн. тоже, Мос. 1888 г., ч. 2, стр. 115.

Митрополитъ Фотій въ посланіи къ новгородскому архіепископу Іоанну, въ 1410 году пишетъ, что позванные въ поле лишаются въ теченіе 18 лѣтъ причастія и креста, отъ церкви отлучаются, а убитый лишается погребенія. Акты Археогр. Экспеди. т. I, № 461. Возставалъ противъ поединковъ св. митрополитъ Петръ. См. Пам. Старин. Рус. литер. изд. Купчелова-Безбор. т. IV, стр. 186. Максимъ Грекъ. Сочин. т. 2, стр. 202. Съ особенной силой противъ поединковъ вооружался митрополитъ Данилъ (1532—1539), осуждая ихъ какъ явленіе не христіанское. Въ словѣ XII онъ говоритъ: „мало пѣчто укорившаго ты или досадившаго въ напасть хочещи воврещи и смерти предати!.. и не точію симъ (наставленіемъ Апостольскимъ) не повинуюешься, но ни слышати сихъ не хочещи, но себѣ отмщяя сваришися, „поля“ сотвориши, убѣваеши, и како христіанинъ нарицаешися супротивная твоя, обѣщанію твоему, еже въ св. крещеніи“. См. Чтен. въ Импер. Об. Ист. и Древ. Рос. 1881 г. кн. 2, Жмакинъ. Митр. Дан. и его соч. ч. 2, стр. 607 и прил. стр. 16.

²⁾ Издававшихся въ видѣ указовъ съ 1550—1580 г. „Онъ запретилъ судебныя поединки во всѣхъ случаяхъ... уничтоживъ на вѣки сіе древнее обыкновеніе“. Новый Судебникъ былъ общею книгой законовъ, до царств. Алексѣя Михайловича. Карамз. Истор. т. IX, стр. 279, 281, 284 и др.

къ намъ и свои воззрѣнія на обрядности жизни. Какъ это и видно было изъ Смоленскаго договора 1228 г. ¹⁾).

Возвращаясь къ „кулачнымъ боямъ“, необходимо остановиться на законоположеніяхъ о нихъ, которыя выработала сама жизнь, и которыя входили въ кругъ нашего законодательства.

По народнымъ воззрѣніямъ и народному „обычному праву“, выработавшему свои нравственныя правила и взгляды на многіе роды общественныхъ отношеній и общежитія (напр. снохачество), невольный убійца ни суду, ни наказанію не подлежитъ. Такъ, въ древнѣйшемъ памятникѣ нашего законодательства, которымъ руководствовалось правосудіе вплоть до судебныхниковъ, т.-е. до XVI вѣка,—въ „Русской Правдѣ“ стат. 4 (Троиц. и Карамз. спис.) говорится... „но оже будетъ убилъ оже въ свадѣ или въ пиру явлено, то тако ему платити по вервинѣ, еже ся прикладывають вирую“. То-есть пеню за убійство платитъ не самъ невольный убійца, а цѣлая община—вервь, къ которой принадлежитъ убійца. Этотъ взглядъ живетъ въ народѣ и до сихъ поръ: въ Высочайшемъ Ея Величества указѣ отъ 1726 года, по поводу кулачныхъ боевъ, между прочимъ, говорится: „отъ которыхъ боевъ, есть и не безъ смертныхъ убійствъ, которое убійство, между подлыми и въ убійство и въ грѣхъ не вмѣняютъ“. (Пол. Собр. Зак. № 4939).

Правительство, въ тѣсномъ смыслѣ слова, не поощряло, но и не преслѣдовало „кулачныхъ боевъ“ и положительнаго—повсемѣстнаго воспрещенія ихъ не встрѣчается въ узаконеніяхъ вплоть до выхода полнаго собранія законовъ въ 1832 году (т. 14, ст. 198), хотя кулачные бои, какъ замѣчено выше, существуютъ до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ.

Несмотря на то, что „кулачные бои“ представляли собою забаву, безобидное народное развлеченіе и, повидимому, не могли равняться съ полемъ, во всякомъ случаѣ обычаемъ жестокимъ—не христіанскимъ и непременно кончавшимся несчастливо для одной изъ сторонъ, но только и въ этой „забавѣ“ духовенство наше, на которое постоянно слышались и слышатся незаслуженные нападки, осужденія и даже охуленія, видѣло въ нихъ грубое и жестокое направленіе, развращающее нравственность и противное ученію апостольскому и церковному, и издавна осуждало кулачные бои, какъ забавы богомерзкія и

¹⁾ Стат. II. Русину же не лѣзъ позвати Нѣмцыча на поле въ Смоленскѣ, ни Нѣмцычу въ Ригѣ и на Готскомъ березѣ. Значитъ, поединки на Готскомъ берегу существовали. Карамз. (т. IX, стр. 281) называетъ поединки обыкновеніемъ временъ рыцарства и невѣжества.

навожденіе бѣсовское. Чуткое и высокохристіанское, только оно и могло вліять и вліяло на дикіе и грубые нравы тѣхъ дикарей, среди которыхъ ему приходилось и по сіе время приходится паломничать и подвизаться, то въ Костромскихъ лѣсахъ и дебряхъ, то на вершинахъ Алтая, то въ захоlustьяхъ Олонца и какого-нибудь Пустоверска, безвыходно, безпросвѣтно, въ дикихъ углахъ между тьмы невѣжества и варварства“...

И оно смягчало нравы, оно вливало Христовымъ ученіемъ то благодушіе и незлобіе и покорность судьбѣ, которымъ мы дивимся въ народѣ дикомъ и необузданномъ, приписывая это природному характеру. Въ лицѣ своихъ архиѳастырей оно же вліяло и на высшіе классы; такіе учителя и святители, какъ— Кириллъ, митр. Фотій, Максимъ Грекъ, митр. Петръ, Даніилъ и мног. другіе имѣютъ великія заслуги въ культурномъ и политическомъ ростѣ нашего отечества, не меньше славныхъ политическихъ и всякихъ другихъ дѣятелей.

Ограниченіе и запрещеніе боевъ началось въ XVII столѣтіи. Съ развитіемъ культуры, когда Россія вошла въ сношенія съ западными народами и когда возрѣнія высшихъ слоевъ общества болѣе и болѣе смягчались и жестокость, хотя очень медленно, но погашалась, а жизнь принимала и усваивала гуманные взгляды Запада, и правительство наше, всегда шедшее впереди народа, стало измѣнять взглядъ на кулачные бои, находя ихъ уже забавой вредной и жестокой, забавой развращающей нравы, звѣрствомъ—безчеловѣчностью.

Еще до Уложенія царя Алексѣя Михайловича, въ 1641 г., декабря въ 9 день Государь Царь и Великій Князь Михайла Ѳеодоровичъ всеа Руссіи указалъ: „которыя всякія люди учнутъ биться въ Китаѣ, и въ Бѣломъ каменномъ городѣ и въ Землянномъ городѣ и тѣхъ людѣй имать и приводить въ земскій приказъ и чинить наказанье“ (Акты Ист., т. 3, стр. 92). Этотъ указъ, конечно, характеризуетъ измѣненіе взглядовъ правительства на кулачные бои, оно не воспрещаетъ ихъ пѣвсемѣстно, какъ то говоритъ И. Д. Бѣляевъ и Истор. Законодат. (Издан. 1879 г., стр. 560), а указываетъ только на одну Москву, какъ столицу, да и въ ней-то обозначаетъ границы, гдѣ кулачные бои не дозволяются. (Значитъ, въ другихъ мѣстностяхъ они не возбранялись). Въ Уложеніи 1648 г. и поле, т.-е. поединки, какъ окончательное доказательство въ судѣ, правоты,—совсѣмъ упраздняется (гл. 10), а вмѣсто того тяжущимся предоставляется право ссылаться на стороннихъ людей поименно и на повальнѣй обыскъ, а самый поединокъ замѣнился пыткой,

которая не была обязательна и предоставлялась на волю тяжущимся, ихъ свидѣтелямъ и обыскнымъ людямъ (Бѣл., стр. 663).

Болѣе рѣшительное повелѣніе послѣдовало въ 1684 году, хотя и оно какъ бы касается только Москвы, опять-таки какъ столицы и резиденціи Государя, гдѣ такія забавы, какъ кулачный бой, не были удобны. Да при томъ указъ этотъ говорить не исключительно о кулачныхъ бояхъ, но и другихъ нарушеніяхъ общественнаго благочинія,—о воспрещеніи стрѣлять въ домахъ изъ ружья и ѣздить извозчикамъ „на возжахъ“, относя, такимъ образомъ, кулачные бои просто къ нарушенію благочинія. Указъ этотъ послѣдовалъ съ боярскимъ приговоромъ. Собственно о бояхъ въ немъ говорится слѣдующее:

„Московскихъ и всякихъ чиновъ людямъ сказать изъ Розряду въ домѣхъ своихъ сами ни изъ какова ружья не стрѣляли и людямъ своимъ стрѣлять не велѣли, такожь въ домѣхъ своихъ людямъ своимъ приказали накрѣпко, чтобъ они нигдѣ кулачныхъ боевъ не заводили, и на тѣ бои не ходили... а которые люди ихъ на кулачныхъ бояхъ будутъ изыманы и тѣмъ быть въ жестокомъ наказаніи и въ ссылкѣ; и о томъ въ Розрядъ послать память, а въ приказы, въ которыхъ вѣдомы слободы, послать о томъ памяти,—чтобъ во всѣхъ слободахъ о томъ потомужь учинили заказъ крѣпкой... о кулачныхъ бойцахъ и о стрѣльбѣ изъ ружья велѣтъ на Красной площади и по крестцамъ, гдѣ извозчики становятся и кулачные бои бывають, бирючемъ кликать не по одно время... А которые изыманы будутъ на кулачныхъ бояхъ и тѣмъ чинить наказанье, бить кнутомъ и ссылать въ Сибирь и въ иные города на вѣчное житье... и о томъ сей Ихъ Великихъ Государей указъ записать на стѣнномъ караулѣ впредь до вѣдома, въ книгу, да стѣннагожь караула по воротамъ (т.-е. городскихъ воротъ, напр. Тверскія ворота, Калужскія и др. и по всѣмъ переулкамъ разослать письма, а въ тѣхъ письмахъ написать, чтобъ онѣ караульщики, буде, гдѣ—свѣдаютъ и слышать кулачныя бои, извѣщали на стѣнномъ караулѣ... буде кулачные бойцы изыманы будутъ, гдѣ близко караулу, а отъ нихъ караульщикамъ въ томъ извѣту не будетъ, и тѣмъ караульщикамъ за тое неосторожность быть въ наказаньѣ“ (Пол. Собр. Зак. № 1093).

Вслѣдъ за тѣмъ въ 1686 году, марта 19, въ Высочайше утвержденныхъ статьяхъ объѣзжимъ головамъ, для наблюденія за благочиніемъ, включена статья подъ № 5, относящаяся къ кулачнымъ боямъ и категорически воспрещающая ихъ повсемѣстно; она говоритъ: „Которые люди изыманы на кулач-

ныхъ бояхъ, и тѣмъ людямъ за тѣ ихъ вины чинить за первый приводъ бить батоги, и имать приводныя деньги по указу, за другой приводъ бить кнутомъ, да имать приводныя деньги вдвое, а въ третьей тѣмъ чинить потомужь жестокое наказанье, бить кнутомъ и ссылатъ въ ссылку въ Украинныя города на вѣчное житье“ (№ 1181).

Наказаніе, повидимому, очень суровое, но по тому времени, ужасному по своимъ ужаснымъ жестокостямъ, „битье кнутомъ и батоги“ представляло одну изъ легкихъ степеней наказанія. Однако, и послѣ этихъ указовъ кулачные бои все-таки продолжали существовать. Указы писались, издавались, но мало примѣнялись и исполнялись, что и неудивительно при такой безконечно обширной территоріи, при отсутствіи дорогъ и пр. Особенно въ настоящемъ случаѣ, гдѣ обычай вкоренился повсюду и гдѣ виновныхъ было не отыскать или виновными оказывались сотни и тысячи людей. Да и самые взгляды правительства еще не установились и были неопредѣленны. Въ данномъ случаѣ подтвержденіемъ этому можетъ служить непосредственно слѣдующее за предыдущимъ, Высочайшее повелѣніе 1726 года, не только не воспрещающее кулачные бои, но признающее ихъ существованіе, какъ народной забавы, и даже регламентирующее порядокъ пользованія ею, воспрещая лишь злоупотребленія въ ней, причинявшія участникамъ вредъ или умышленныя побои и увѣчья. Указъ этотъ настолько любопытенъ, что онъ приводится дословно.

„Понеже Ея Императорскому Величеству учинилось извѣстно, что въ кулачныхъ бояхъ, которые бывають на Адмиралтейской Сторонѣ на лугу, позади двора графа господина Апраксина и на Аптекаарскомъ острову и въ протчихъ мѣстахъ во многолюдствѣ, отъ которыхъ боевъ случается иногда, что многія, ножи вынявъ за другими бойцами гоняются, а нныя въ рукавицахъ положи ядра и каменя и кистени, бьютъ многихъ безъ милости смертельными побоями, отъ которыхъ боевъ есть и не безъ смертныхъ убойствъ, которое убойство между подлыми и въ убойство и въ грѣхъ не вмѣняють, также и— пескомъ въ глаза бросаютъ: чего ради ныне Великая Государыня Императрица, для охраненія народа, указала: по именному своему Императорскаго Величества указу, тѣмъ кулачнымъ боямъ при Санк-петербургѣ безъ позволенія главной полицеймейстерской канцеляріи не быть, а ежели кто тѣ кулачные бои будутъ безъ позволенія имѣть, то тѣ люди будутъ наказаны, смотря по состоянію вины и дѣла; а кто впередъ къ такимъ

кулачнымъ боямъ, для увеселенія будетъ имѣть желаніе, то имъ выбравъ межъ себя соцкихъ, пятидесяцкихъ и десятицкихъ, являться въ главной полицеймейстерской канцеляріи, гдѣ ихъ имена записывать, и для того бою показывать указныя мѣста изъ полиціи; но только и въ тѣхъ мѣстахъ онымъ—боямъ быть подъ присмотромъ тѣхъ соцкихъ и прочихъ, чтобъ имъ означенныхъ продерзостей отнюдь не чинить, и за ними смотреть имъ въ такой силѣ, что имъ cadaго своего десятку или сотни осмотреть, чтобъ у нихъ никакого оружія и прочихъ инструментовъ ни подъ какимъ видомъ къ увѣчному бою не было, какъ выше показано, да и во время того бою, и дракъ между собою-бъ не чинили и кто упадетъ, лежащихъ никого не били-бъ; а если же напротивъ вышеописаннаго будетъ поступлено, то какъ съ тѣми соцкими и пяти и десятицкими, также и съ бойцами поступать противъ вышеписаннаго-жъ, чего надсматривать и отъ главной полицеймейстерской канцеляріи; и для того при Санктпетербургѣ публиковать и у приказу приказывать, дабы невѣденіемъ не отговаривались. Данъ іюля 21,—1726 г. (№ 4939)^а.

Спустя 18 лѣтъ, Государыня Императрица Елизавета Петровна уже иначе взглянула на кулачные бои и снова не воспрещая ихъ повсемѣстно въ имперіи, именнымъ указомъ 3 іюля 1743 года „изволила изоустно указать“—„никому кулачныхъ боевъ, какъ въ Санктпетербургѣ, такъ и въ Москвѣ не заводить и не биться, чего накрѣпко смотрѣть главной полиціи“ (№ 8754). Что законы и распоряженіе такъ нерѣшительныя и если можно сказать не установившіеся, столь же медленно приводились и въ исполненіе, даже Высочайшія повелѣнія, можно видѣть изъ переписки по поводу настоящаго указа. Только спустя восемь лѣтъ 6 декабря 1751 года онъ былъ сообщенъ изъ главной полицеймейстерской конторы въ контору отъ строеній и тамъ составлена „промеморія“ слѣдующаго содержания:

Промеморія.

Изъ главной полицеймейстерск. канцеляріи въ канцелярію отъ строеній ¹⁾: понеже по высочайшему Ея Императорского Величества имянному 1743 году іюля 3 дня изоустному указу,

¹⁾ Канцелярія отъ строеній учреждена еще при Петрѣ I. Въ 1746 г. директоромъ ея былъ графъ Вилимъ Вилимовичъ Ферморъ.— Въ октябрѣ 1769 г. эта канц. переименована въ контору отъ строеній, а въ 1797 г. упразднена, и на мѣсто ея учреждена гофъ-интендантская кон-

объявленному чрезъ генерала лейтенанта кавалера и бывшего генерала полицмейстера господина Наумова повелѣно никому кулашныхъ боевъ, какъ всанктъ Питербурхѣ—такъ и въ москве не заводить и не битца чего накрѣпко смотреть—главной полиціи и исполненіе того Ея Императорскаго Величества Высочайшаго имяннаго указа здесь и въ москве опубликовано и сверхъ того велено наикрѣпчайшее смотрѣніе иметь определеннымъ в частяхъ афицеромъ и соцкимъ и десяцкимъ и патрулиночной команде и—ежели за кѣмъ то усмотрятъ, брать подъ караулъ и представлять въ главную и московскую полиціи, а ноября 26 дня присланнымъ въ главную полицію отъ дежурнаго генерала адъютанта генерала аншефа сенатора, лейбгвардіи подполковника действительнаго камергера и кавалера Александра Борисовича Бутурлина сообщеніемъ объявлено того же ноября противъ 26 числа около зимнего Ея Императорскаго Величества дому во многочисленномъ собраніи людей имелся шумъ и кулашной бой при чемъ взять подъ караулъ десяцкой Осипъ Матвѣевъ, которой при томъ стоялъ и смотрелъ а таковыя де сборищи и кулачные бои Ея Императорское Величество высочайше повелеть соизволила исполиціи запретить такожь рогаточному караулу и объезду того накрѣпко надсматривать велеть и того ради по указу Ея Императорскаго Величества въ главной полиціи определено лейбгвардіи вполковые и отстроеныя и главной артилеріи и фортификаціи и вманежную канцелярію и въ адмиралтейскую коллегію послать промеморіи, а находящимся здесь полевымъ полкамъ и полковымъ деламъ и вздешнюю гарнизонную канцелярію указы и требовать чтобъ всехъ техъ командъ служителемъ накрѣпко было запрещено дабы они кулашныхъ боевъ отнюдь нигде въ противность вышеписаннымъ имянныхъ указовъ не чинили а вовсе части и патрулиночные роты кафицеромъ посланы приказы и велено иметь наикрѣпчайшее смотрѣніе чтобъ нигде кулашныхъ боевъ не было а гдѣ появятца, то собравъ команды техъ бойцовъ брать подкараулъ и представлять въ главную полицію и канцелярію отстроеной благоволилъ быть о томъ извѣстна и учинить по Ея Императорскаго Величества указу и куда надлежало промеморіи указы и приказы посланы. Декабря 5 дня 1751 г. Андрей

тора.—Въ 1851 г. въ указѣ Императора Николая I (отъ 21 апрѣля) изложено:—„Для сокращенія расходовъ по двору Нашему повелѣваемъ упразднить гофъ-интендантскую контору, дѣла же передать въ Нашу придворную контору“—(См. Общ. Арх. М-ва Импер. Двора. Карт. 4120 и 4121).

Погановъ. Секретарь Федоръ Хрущевъ. Подканцеляристъ
Дмитрей Протопоповъ.

Промеморія.

Изъ Главной полицыmeisterской канцелярїи вканцелярїю отстроеной по имяннымъ Ея Императорскаго Величества Исправительствующаго сената 1726 г. Юля 21.—1727 г. октября 12. 1743 г. Юня 7. Юля 3-го чисель Указомъ повелено никому кулашныхъ боевъ какъ всанктъ питербурхе такъ и вмоскве не заводитъ и не битца чего на крепко смотреть Главной полицы и хотя отглавной полицыmeisterской канцелярїи для удержанїя таковыхъ боевъ неоднократно опубликовано также ввеченную канцелярїю и впрочіе присудственные места писано было—стребованіемъ чтобъ ведомства своего служителямъ накрепко было—подтверждено дабы они вкулачки не бились и техъ боевъ не заводили подъ не малымъ штрафомъ по указомъ но токмо сего ноября 12 дня на реке Фантанке ниже Измайловскихъ слободъ не доезжая Калинкина мосту кулашной бой разныхъ чиновъ от людей происходилъ на которой реке отъ народнаго собранїя ледъ проломился и несколько людей потонуло того ради по указу Ея Императорскаго Величества вглавной полицыmeisterской канцелярїи определено въ канцелярїю отстроеной—послать промеморїю и требовать чтобъ благоволено было вѣдомства оной канцелярїи служителямъ накрепчайше подтверднть дабы они кулашныхъ боевъ не заводили чтобъ чрезъ то какова несчастїя воспоследовать не могло и что на сие учинено будетъ вглавную полицю—заизвестие сообщить и канцелярїя отстроеной даблаговолитъ учинить о томъ по Ея Императорскаго Величества Указу. Ноября 27 дня 1760-го году.—Михайла Чистовъ. Федоръ Хрущевъ ¹⁾.

Секретарь Николай Яковлевъ
Канцеляристъ Михайла Некрасовъ.

Копія съ протокола.

По указу Ея Императорскаго Величества Канцелярїя отстроеной слушавъ промеморїи Изглавной полицыmeisterской канцелярїи. Поданной сего декабря 6 дня сообщавленіемъ Ея Императорскаго Величества Высочайшихъ Имяныхъ указовъ о неименїи кулашныхъ Боевъ приказали:

¹⁾ Общ. Арх. М-ва. Импер. Дв.—Картонъ. 4120, д. № 23.

вѣдомства Канцелярїи отстроеной Санктъ-петербургскую и московскую Гофъ-Интендантскіе, впитергофскую Стрелинскою строения Троицкаго Александроневскаго Монастыря, Невскихъ кирпичныхъ и черепичныхъ Заводовъ вкантеры и баталіонъ, на стеклянные заводы и впрочіе мѣста послать указы велеть втехъ командахъ служителемъ накрѣпко Запретить дабы они кулачныхъ Боевъ отнюдь нигдѣ впротивности объявленныхъ втой промеморїи именныхъ указовъ отнюдь не чинили и втомъ темъ командомъ заоними иметь крепкое—смотреніе. Декабря 10 дня 1751 году. Подлинной протоколъ за подписаніемъ канцелярїи отстроеной за скрепою секретаря Алексѣя Орлова. Протоколистъ Филиппъ Григорьевъ. Подлинный читалъ писарь Козьма Кувылдинъ ¹⁾.

Послѣ этого, кромѣ приведеннаго выше—Высочайшаго повелѣнія Императора Александра 1-го отъ 1823 года, вызваннаго несчастнымъ случаемъ въ Пирятинѣ, никакихъ правительственныхъ мѣропрїятій не было.

Положительное воспрещеніе кулачныхъ боевъ повсемѣстно вошло въ Сводъ Законовъ Императора Николая I только въ 1832 году, безъ особыхъ правилъ и мотивовъ; въ томъ четырнадцатомъ, изданія 1832 г. ч. IV ст. 180-я, кратко лаконически говоритъ: „Кулачные бои, какъ забавы вредныя,—вовсе запрещаются“. То же самое дословно повторено въ ст. 31 изд. 1839 г., и въ томъ XIV, ст. 198. изд. 1842 года.

Такимъ образомъ наказанія, которымъ должны подвергаться виновные въ неисполненіи сего правила, сводятся къ категорїи отвѣтственности за нарушеніе общественной тишины и порядка.

Вплоть до изданія знаменитаго Свода Законовъ, т. - е. до 1832 года. руководствомъ для судей служило древнѣйшее „Уложеніе 1648 года“ Царя Алексѣя Михайловича, совершенно отжившее и устарѣвшее. Къ нему присоединялись Морской и Военный Уставы Петра Великаго и Наказъ Екатерины II. Все это загромождено было неисчислимой массой различныхъ указовъ и повелѣній, которыхъ насчитывалось свыше десяти тысячъ... Трудно было разбираться въ такой массѣ узаконеній, часто противорѣчащихъ одно другому, отмѣняющихъ и вновь возстановляющихъ отмѣненное. Каждый царствующій Государь издавалъ множество указовъ, особенно именныхъ или „изоустныхъ“, какъ тогда они назывались—и зачастую случайныхъ,

¹⁾ См. Общ. Арх. М-ва Импер. Дв. Оп. 74/81. д. 14.

напр. приведенный указъ Императора Александра I, отъ 20 октября 1823 года, вызванный отдѣльнымъ случаемъ, возбужденнымъ негодованиемъ гуманнаго Императора. Или указъ 1726 г. о кулачныхъ бояхъ, идущій въ разрѣзъ съ предшествовавшими и послѣдующими распоряженіями и взглядами правительства.

Очень характерную и любопытную записку подалъ Государю Императору Александру I графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій (умершій въ 1812 году) въ апрѣлѣ 1802 года, въ отвѣтъ на запросъ о причинѣ нескораго составленія законовъ Комиссіей.

Осуждая древніе законы наши, начиная съ „Русской Правды“, и называя ихъ „грубыми и отъ естественнаго разсудка удаленными и въ отношеніи нашего вѣку содержавшими соблазны, „а неправоту“ онъ, переходя къ Судебнику Ивана Грознаго, говоритъ:

... „Судебникъ Царя Ивана Васильевича опредѣляетъ судъ нелѣпымъ образомъ. Въ тяжбныхъ дѣлахъ изводились тяжущіеся на единоборство или поединокъ въ присутствіи суда; убившій или превозмогшій своего соперника въ ополченіи пріобрѣталъ себѣ тѣмъ оправданіе, и удовлетвореніе взыскивалось съ побѣжденнаго. При такомъ средствѣ, тѣлѣсныя силы, вспомошествоуемая искусствомъ, дѣлали виновнаго правымъ, а праваго виноватымъ. Въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича взяты многія статьи изъ Судебника Іоанна—и книга сія хотя полнѣе прочихъ предыдущихъ, но и въ оной писаны законы не для свободныхъ гражданъ, а для рабовъ. Кнутъ избранъ орудіемъ во исправленіе и судей и тяжущихся, и ко извлеченію по дѣламъ истины былъ дѣятельнѣйшею принадлежностію суда.

... „Не вся матерія суда у насъ въ кодексѣ, а разсыяна по указамъ свыше десяти тысячъ, которыя и наисчастливейшая память человѣка объять не можетъ... Къ составленію систематическаго плану при расположеніи оныхъ также и ныне, какъ было при Петрѣ Великомъ, принуждаетъ необходимость прибѣгнуть къ лучшимъ кодексамъ Европейскимъ“¹⁾.

Чтобы разобратся въ этомъ хаосѣ, еще до изданія общаго свода законовъ, хотя для какого-либо руководства, судьи и чиновники составляли сами писанные указатели, сборники и своды, подраздѣленные на отдѣлы. Эти сборники и указатели были очень немногочисленны и тщательно хранились и оберегались владѣльцами.

¹⁾ Арх. Канц. Его Вели. Он. ч. № 415. Кн. X. Д. 261

Въ изданіяхъ 1857, 1876 и 1890 г. Свода Законовъ относительно кулачныхъ боевъ повторяется старая редакція ст. 198 свода 1842 года: „Кулачные бои какъ вредныя забавы вовсе запрещаются“.

Все, что можно сказать въ заключеніе изложеннаго, это привести слова лѣтописца:.. „земля наша велика“... и т. д. и прибавить, что кулачные бои пережили всѣ законы и сохранялись,— для интеллигенціи они приняли видъ атлетической борьбы, на сценахъ—какъ платное зрѣлище, а въ самомъ народѣ продолжаютъ невозбранно и повсюдно, не минуя и столицъ, гдѣ они повидимому должны бы стать анахронизмомъ; и практикуется то въ тѣхъ же видахъ и сценахъ, какъ въ сѣдой старинѣ, развѣ только не такъ часто и не въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ. Въ подтвержденіе сказаннаго приводимъ выписку изъ № 249 С.-Петербургской Газеты отъ 10 сентября 1908 года.

К у л а ч н ы й б о й.

„Между рабочими Нарвской заставы существуетъ обычай въ праздничные дни въ видѣ развлечения устраивать кулачные бои. Всѣ рабочіе этой мѣстности дѣлятся на двѣ партіи: „Балтійскую“ и „Петербургскую“, между которыми и происходятъ кулачные бои.

„Мѣстомъ для этой забавы служитъ Бородинъ переулочъ, примыкающій къ Петербургскому шоссе. Въ іюнѣ со стороны балтійской партіи въ этотъ разъ выступилъ бойцемъ рабочій Яковлевъ, а петербургская партія выставила рабочаго Фуфаева, и т. д.

А. А. Лебедевъ.

